

После нас

Автор:

Андрей Грешнов

После нас

Андрей Борисович Грешнов

Назад в Афган. 30 лет окончанию войны

Еще никогда прежде ни один журналист в мире не выдерживал там столько лет. Тринадцать! Тринадцать лет проработал в Афганистане журналист-международник, глава представительства РИА «Новости» в Кабуле Андрей Грешнов. На его глазах истерзанная войнами страна несколько раз заливалась кровью. Он видел, как Кабул штурмовали талибы. Он брал интервью и у самых жестоких главарей моджахедов. Он снимал на камеру американских солдат, которые хамски хозяйничали в кишлаках и поселках. Обо всем этом он рассказал в своей книге. О том, что произошло в Афганистане после того, как оттуда ушли советские войска. О том, во что превратилась страна ПОСЛЕ НАС... Сержант армии США Кельвин Гиббс признался в суде, что он, Джереми Морлок и еще несколько солдат устроили жуткую бойню среди мирного населения провинции Кандагар ради «спортивного интереса». Бравые воины отрезали пальцы и выбивали зубы мертвым афганцам, расчленяли и фотографировали трупы. Кости убитых американцы хранили в качестве сувениров. Они сами называли себя «Отрядом убийц», даже не пытаясь завуалировать свои поступки или объяснить их какими-то непреодолимыми обстоятельствами. Там, под Кандагаром, что-то случилось с американскими солдатами, они мгновенно превратились в озверевших садистов. Или, может быть, это случилось раньше?

Андрей Грешнов

После нас

Своим родителям посвящаю...

Кабул, 18 лет спустя

...В сентябре 2007 года, спустя 18 лет после отъезда на Родину из охваченной войной Республики Афганистан, я вновь полетел в Кабул. Вообще-то я должен был лететь в Исламабад и сменить «в дозоре» тамошнего корреспондента РИА «Новости», но внезапно обстоятельства сложились таким образом, что я смог реализовать на практике свой жизненный принцип «хотеть там, где можешь, а мочь там, где умеешь». В агентство пришел новый заместитель руководителя, поддержавший мою внезапную инициативу открыть представительство в стране, где в то время не было ни одного российского корреспондента и которая «была на слуху» в СМИ почти каждый день.

По счастливому стечению обстоятельств главой российской дипмиссии в Кабуле в то время был Замир Кабулов, которого я знал еще по 80-м годам прошлого столетия, когда он работал первым секретарем посольства и отвечал за информационную работу миссии. «За мир в Кабуле», как за глаза называли и называют сегодня его коллеги по работе, уже тогда слыл профессионалом своего дела, отлично разбиравшимся в хитросплетениях афганской закулисы. А в двухтысячных я с интересом читал его интервью иностранной прессе и с радостью для себя отмечал, что на моей постсоветской Родине умные люди еще не перевелись. Я решил брать быка за рога и, перекрестившись, набрал телефон российского посольства в Кабуле, представившись должным образом дежурному по дипмиссии. Замир меня вспомнил мгновенно и в ответ на мой вопрос о перспективах открытия представительства РИА в Афганистане сразу перевел разговор в деловое русло и предложил общаться на «ты». Мы говорили недолго, но очень продуктивно. А спустя неделю я уже рассматривал проплывающие под брюхом Ту-154 азербайджанской авиакомпании «АЗАЛ» черные кучевые облака...

Из Москвы до Баку лететь не очень долго, а вот в бакинском аэропорту в то время приходилось сидеть часов пять или шесть как «транзитнику». Оттуда самолет стартовал на Кабул в предутренние часы: это было связано с правилами движения судов гражданской авиации в воздушном пространстве воюющей

страны, где надзор за небом осуществляли в том числе диспетчеры НАТО. Осенью при подлете к кабульской котловине в воздухе почти всегда сильно трясет, а в этот раз болтало так, что у самолета трещали крылья, испытывавшие огромные перегрузки. Что крылья могли отлететь, отнюдь не преувеличение. Спустя некоторое время у одного старого советского самолета, как раз в этом районе крылья таки отвалились, погибло много людей. Беззвучно поминая Николая-угодника и Богоматерь, я мысленно молил их поскорее проскочить горы перевала Саланг и оставить меня в живых. Когда болтанка закончилась, появилась другая напасть – густой туман. В голову лезли ненужные воспоминания о крушениях в кабульской котловине советских грузопассажирских самолетов с людьми на борту, хотелось побыстрее увидеть спасительную восьмиконечную «снежинку» кабульского централа Пули-Чархи. Но тюрьму с воздуха я в тот раз так и не увидел: туман стелился почти по земле, и когда самолет выпустил шасси и зашел на посадку, в иллюминаторе мелькнула лишь вышка управления полетами кабульского аэропорта да большое количество военных самолетов и вертолетов всех мастей.

По неопытности я стал заполнять какие-то карточки визитера Исламской Республики, которых в ДРА в 80-е годы не было и в помине. В этом мне охотно помогали местные полицейские-пограничники. За свою бескорыстную помощь в заполнении «аусвайса» они потом попросили у меня два доллара. Паспортный контроль я прошел одним из последних. Таможенникам мой багаж, состоявший из одной сумки, показался неинтересным: водки в ней не было, а потому я быстро вышел из здания аэропорта на улицу, где меня уже встречала симпатичная девушка Вера – пресс-атташе посольства и сопровождавший ее водитель-охранник.

– Я уж часом подумала, что вы не прилетели, – смеясь, сказала она.

– Да вот с пограничниками заминка вышла, ответил я, показывая ей заполненную афганскими каракулями «карточку визитера».

– Оставьте себе на память, – снова засмеялась она. – Никакие карточки заполнять не надо, вы ведь не турист!

Посольская машина стояла на охраняемой VIP-стоянке, слева от здания аэропорта. Почти напротив нее, через дорогу с клумбой, где «моджахеды» поставили как памятник своему «героическому» прошлому советский военный самолет, в 80-е годы располагался наш отдельный радиотехнический батальон

ПВО, а чуть левее – шлагбаум на въезд в легендарный «полтинник» и Пересылка. Никаких следов, вообще ничего, что бы напоминало о них, не осталось. Какие-то новые здания песочного цвета и море строительной техники. Дорога-то в город отсюда одна – строго на юг. И мы поехали. Раньше эта дорога была почти пустынной, вдоль нее стояло лишь несколько дуканов, где можно было остановиться попить кока-колы и купить сигарет. Сейчас здесь построено много жилых зданий, лицей для девочек, магазинчики и много еще чего. С левой стороны дороги разросся бывший советский «новый» микрорайон, в котором в свое время я прожил довольно счастливые по тем временам 15 месяцев. В конце дороги, въехав на перекресток с круговым движением, мы уперлись в высокий монумент.

– Это памятник предводителю «Северного альянса» Ахмадшаху Масуду, – пояснила мне пресс-секретарь.

Восемнадцать лет назад я бы промчался от этого места, никуда не сворачивая, на своей «Ниве» с зелеными номерами мимо президентского дворца и до площади Пуштунистана за одну минуту, но сейчас дорогу преграждал целый укрепленный район, выстроенный американцами у своего посольства. Тяжелые бетонные заграждения с лабиринтами ходов и пулеметными точками охраняли фасад здания, естественной защитой доступного правого фланга являлось здание министерства здравоохранения. Тыл дипмиссии США выходил в «зеленую зону» с такими же редутами, там же располагались посольства многих западных стран и представительства международных организаций.

Мы ехали по фешенебельной улице Вазир Акбар Хан мимо центрального афганского госпиталя «Чарсад бистар», в «инфекции» которого летом 80-го года я пролежал чуть меньше месяца. Удивительно, но спустя столько лет я испытывал искреннюю сердечную благодарность афганским медикам и медсестрам, принимавшим вместе с советскими врачами активное участие в моем излечении от брюшного тифа и амебной дизентерии, которые я подхватил на операции в Джелалабаде. Про себя подумал: непременно нужно сюда прийти «подышать» прошлым. Далее мы ехали по хорошо знакомой мне дороге мимо старинного особняка афганского МИД, минуя усиленные посты полиции, затем выехали на площадь, где сейчас обустроилось министерство образования, повернули налево к агентству «Бахтар», а от него направо по улице, ведущей к проспекту Дал уль-Аман.

Первый вопрос, который я задал спутнице, состоял в том, почему в городе так много зеленых полицейских фордовских пикапов с установленными на них пулеметами ПК?

– Часто происходят нападения и теракты, ну и так, для устрашения, – весело ответила мне работник посольства. Проспект Дар уль-Аман, начинавшийся, как и прежде, от здания городской автоинспекции, был покрыт еще старым советским асфальтом, который здесь клали при мне аж в середине 80-х. Да, весь в трещинах, колдобинах и заплатах, но он выстоял! Он выдержал три войны – нашу с бандитами и контрреволюционерами, междоусобицу «моджахедов» и «моджахедско-талибскую». В голове сразу всплыл старый лозунг моей молодости – «Советское – значит отличное!».

Въехали в здание посольства не со стороны бывшего «парадного» КПП, а с тыльного, когда-то «торгпредского», улочка вдоль дипмиссии была перекрыта шлагбаумом, у которого расположился пост полиции. Сами стражи порядка были вооружены советскими автоматами Калашникова. Это не могло не радовать. Если у полицейских АК, значит, нас в Афганистане помнят и уважают. Я быстро заселился в посольскую гостиницу – просторную и отлично обустроенную двухкомнатную квартиру с бархатными шторами, холодильником и цветным телевизором. Нехитрую снесь в дорогу я с собой взял, чай был в гостинице. Наскоро перекусив, я пошел в административное здание посольства на прием к послу.

Проходя по жилому городку дипмиссии, я радостно удивлялся: все было засажено плодовыми деревьями и красивыми кустарниками, на клумбах цвели благоухавшие розы. Про себя отметил, что территория обихожена куда лучше, чем в далекое советское время, но все «достопримечательности» 80-х сохранены или воссозданы в память о прошлом. Это и калитка у забора, разделявшая жилую и служебную зоны, и старое дерево у въезда, которое было старым еще при советской власти, и, о чудо, работающий фонтан в пышном окружении цветов, в основном роз всех цветов и оттенков. Некоторые дома «старого фонда» – четырехэтажные сейсмостойкие советские жилища – были отремонтированы и отреставрированы. Но многих не было и в помине – здесь, как и по другим районам Кабула, катком прошла война. С удивлением увидел старый-новый действующий бассейн с раздевалками (в прессе я читал, что жившие на территории посольства афганские беженцы до начала двухтысячных использовали его в качестве огромной выгребной ямы и умудрились заполнить его отходами жизнедеятельности почти на треть).

Само здание посольства напоминает большой корабль, на капитанской рубке которого развевается государственный флаг. Раньше посольство было выстроено в тяжелом, но красивом «сталинском» стиле – с обилием мрамора, колоннами, а на стене зала приемов в то далекое время висела рельефная картина-карта Союза Советских Социалистических Республик. Сейчас зал приемов выглядит несколько иначе, но не менее роскошно, что неизменно поражает иностранных дипломатов, которые в нем чувствуют себя «афганскими временщиками» и сознают, что Россия здесь если не навсегда, то очень надолго. Потолок зала украшают огромные хрустальные люстры, изготовленные на заказ в Чехии, а пол – красивая каменная мозаика. Хочу засвидетельствовать: такого красивого посольства в Афганистане нет ни у одного государства, и это порой просто бесит иностранцев.

Чуть забегаю вперед, скажу, что однажды приглашенная на прием в российскую дипмиссию журналистка Би-би-си Лиза Дусет, которой в далеком 1989 году и Замир, и я оказывали всестороннюю информационную поддержку после вывода из страны Ограниченного контингента советских войск и которая считалась если не нашим другом, то представителем британского СМИ с ясной головой и незапятнанной репутацией, глядя на роскошь зала приемов, вдруг разразилась антироссийским пасквилем. В своем репортаже она, в частности, написала, что «когда голодные афганские дети, измученные разрухой и войной, недоедают, русские жируют в своем роскошном посольстве и жрут там ложками черную и красную икру». К слову сказать, бутерброды с икрой в первые же минуты приемов сметали сами иностранцы, для которых поход в посольство РФ всегда ассоциировался с возможностью хорошо подзаправиться. Российские же сотрудники дипмиссии при Замире на приемах всегда работали, а не набивали пузо яствами – таков был строгий приказ Кабулова, и никто не смел его нарушать.

Войдя в посольство, я осведомился у дежурного, который уже был информирован о моем прилете, на месте ли экселенс. Оказалось, что да. Поднявшись по хорошо знакомой мне лестнице, я оказался в «предбаннике» у помощника посла. На людях обращение к Замиру на «ты» заканчивалось (азы дипломатической этики), и я приготовился ждать аудиенции в кресле для посетителей. Однако Замир Набиевич принял меня сразу. В ходе недолгого, но насыщенного делового разговора посол ознакомил меня с жесткими условиями информационной безопасности дипмиссии, положением в Кабуле и афганских провинциях. Обсудили возможные сложности открытия представительства РИА «Новости», а также задачи, которые в перспективе встанут перед единственным в Исламской Республике российским СМИ. Договорились, что по истечении

недели, в течение которой я буду заниматься организационными вопросами, мы встретимся снова и уже предметно обсудим, что и как. На этом встреча закончилась.

Сразу от посла я направился к его помощнику по административно-правовым вопросам и имел с ним довольно продолжительную беседу. Отвечавший за безопасность обитателей посольства человек, в 80-е так же как и я выполнявший в Афганистане «интернациональный долг», поведал мне, что линейная связь с посольством – объект неусыпной прослушки наших западных «партнеров» по борьбе с терроризмом, а поэтому все сотрудники пользуются личными сотовыми телефонами, которые внутри здания посольства выключаются по соображениям безопасности. Что его слова не блеф, а жесткая реальность, я выяснил уже через пару дней, когда старые афганские «кадры» сообщили мне, что на крыше отделения Kabul Bank, располагавшегося прямо напротив посольства, на другой стороне проспекта Дар уль-Аман, англичане установили аппаратуру радиоэлектронного слежения за нашей дипмиссией. Да, условия работы будут нелегкими, подумалось мне, но и в 80-е, когда в городе обычные-то телефоны имелись у единиц, было так же трудно в основном из-за отсутствия связи. Вообще Афганистан – страна «нелегкая», и к этому нужно быть готовым любому, кто вознамерится здесь работать. Она редко терпит идиотов, лентяев, халтурщиков или непрофессионалов. Во многом это зависит от посла. При Кабулове коллектив, в который я вскоре влился, был «заточен» на активную, а порой и сверхурочную работу, которой было невпроворот.

Пресс-атташе познакомила меня с Нуром – афганским работником нашего посольства, который трудился здесь еще в 80-х годах. Нур прекрасно владеет русским языком и неocenю как человек, способный решать разного рода проблемные вопросы в структурах афганской государственной власти. Билеты на самолет, продление рабочей визы или получение ее в посольствах иностранных государств, ремонт, техосмотр автомобиля или его регистрация в ГАИ, да вообще любые рабочие вопросы «висят» именно на нем. При «советской» власти Нур Мохаммад Ариа служил в кандагарском Втором армейском корпусе рядовым, а его брат в то время был директором кандагарской швейной фабрики, изготавливавшей шерстяную одежду. Нур уже был готов к моему приезду и быстро подогнал мне к воротам посольства (за 40 долларов в сутки) белую «Тойоту» с водителем, который был ему родственником. И мы сразу пустились в путь. Для начала предстояло узнать – где в Кабуле можно жить и работать, не опасаясь, что тебя украдут или нападут на резиденцию. Таких мест, по предварительным прикидкам, было два – отель «Интерконтиненталь», где работали наши бывшие соотечественники и соотечественницы из стран СНГ, и

гостиница рядом с улицей Вазир Акбар Хан, которая принадлежала брату экс-президента страны Бурхануддина Раббани и охранялась его же боевиками. В «Интере» мне понравилось, так как там был доступ к Интернету, причем всего за 1 доллар в час. Войдя в располагавшееся на первом этаже гостиничное интернет-кафе, я быстро, чтобы никто ничего не заподозрил, отключил афганский комп и присоединил к нужному порту свой ноутбук. Все работало, хотя и медленно, и я отослал свое первое сообщение в Москву, проверив пароли сервера, куда предстояло сбрасывать информацию. Все было хорошо, но цена гостиничного номера зашкаливала. Агентство вряд ли бы согласилось его оплачивать на постоянной основе.

В «отеле», принадлежавшем нашим бывшим врагам – боевикам «Джамиате ислами», было попроще, но так же красиво и уютно. Гостиничный номер больше напоминал шале с видом на гору, которая мне сразу не понравилась. Решили заехать в уже разросшийся «новый» советский микрорайон, где я когда-то жил в 1979–1980 годах вместе со своими коллегами – военными переводчиками. Вот он, 115-й блок, первый справа подъезд, первый этаж. Но старой двери с трещиной уже нет – на ее месте новая железная дверь. Постояв у нее и так и не решившись нажать звонок, я вышел на улицу к протекающему здесь старому арыку, попросил водителя меня сфотографировать. Когда тот щелкал фотоаппаратом, к нам подошла женщина-афганка моих лет, одетая в черную бурку, но с открытым лицом.

– Я так и знала, что вы, шурави, сюда вернетесь. Я еще тогда говорила людям, что лучше вас здесь никого уже не будет, но люди понимают все только в сравнении.

Женщина говорила на старом диалекте языка дари, том, что используют населяющие афганскую столицу пуштуны. Этот язык я когда-то понимал слабо, но выучил его досканально благодаря помощи афганских офицеров. Но в этот раз он звучал как привет из далекой юности. Сейчас Кабул перенаселен таджиками из долины Панджшир, язык которых ближе к иранскому фарси, и в разговорной речи слова они используют другие. Женщина пригласила нас домой на чай, рассказав, что ее муж служил в афганской армии доктора Наджибуллы. Но время поджимало, и я вежливо отказался, пожелав ей и ее семье всего самого доброго.

На небольшом мосту через ручей, в который превратилась протекающая здесь река Кабул, мы остановились купить фруктов. Сколько раз в жизни я ходил по

нему из «нового» в «старый» микрорайон, даже и не счесть. Этот мост известен тем, что в начале 80-х на нем был похищен переодетым в форму афганского армейского офицера замминистра геологии СССР. Его личный водитель предал его тогда и вместо аэропорта, куда он ехал встречать жену, ветеран Великой Отечественной оказался в душманском плену, был переправлен в Пакистан, где его впоследствии и убили. Духи тогда обещали его отпустить в обмен на 50 заключенных кабульской центральной тюрьмы Пули-Чархи, но, говорят, что лично Брежнев совершить такой неравноценный обмен отказался...

Подъехали к 8-му блоку, где я жил пять лет – с 83-го по 87-й год, пофотографировали. Как обычно, набежала афганская детвора, требуя бахшиш. Дети поначалу фотографироваться отказывались. Но узнав, что я «шурави» (советский), уже сами лезли в кадр и просили их «сфоткать». Один мальчуган объяснил, что они не любят американцев и их союзников и думают, что когда те щелкают фотоаппаратом, то делают это лишь для того, чтобы потом их похитить и «сдать на органы». К русским они относятся отлично, ровно так же, как и дуكانчики, продающие здесь овощи, фрукты и другую еду.

Вдоль кластеров жилых домов теперь стоят контейнеры, оборудованные под жилища для полицейских, охраняющих микрорайон. Народ здесь живет зажиточный, но есть и те, кто сумел сохранить квартиры еще со времен Апрельской революции. Иногда на жителей микрорайона совершают нападения с целью ограбления или получения выкупа, а потому полиция здесь необходима. Раньше полицейские (по-старому царандоевцы) жили прямо в подъездах, в каморках, предназначенных для хозяйственных нужд. Времена меняются, меняется и антураж: стены домов в микрорайоне носят следы былых сражений моджахедов и талибов – они исхлестаны пулями и осколками. Несколько домов вообще развалены – сюда попали артиллерийские снаряды. Местный маркет (рынок) цел и функционирует как и прежде, дуكانчики искренне рады гостям из бывшего СССР. Как и раньше, открыт лицей для девочек, работает фонтан. Но вместо бетонных дорожек, по которым давным-давно прогуливались военные советники и переводчики с семьями, теперь стадион, где мальчишки гоняют мяч. Наш клуб теперь не клуб, а мечеть. В культовое сооружение он был превращен во времена правления талибов, а когда тех выгнали, моджахеды решили ее оставить для себя...

Рынок в центре города, рядом с которым расположен следственный изолятор бывшего ХАД (служба государственной информации), а ныне ГУНБ (Главное управление национальной безопасности), уже не носит имя «Зеленый», а

называется по-западному Чикен-стрит. Десятилетия назад здесь затаривались продуктами и спиртными напитками советские советники и офицеры 40-й армии, переодетые в гражданскую одежду (их отлавливали патрули), дуканчики продавали свежее мясо и рыбу из Джелалабада, здесь торговали зеленью. Сегодня от того светлого прошлого на «Зеленом» остался лишь один седовласый зеленщик, который ничего не слышит и плохо видит ввиду того, что очень стар и пострадал от боевых действий. Он продавал здесь петрушку и кинзу еще при советской «оккупации». Сегодня афганцы покупают его вялые пучки зелени неохотно, только из сострадания, чтобы ему было на что купить лепешку хлеба.

Мы много ездили по городу, посетили шашлычную в традиционном афганском стиле – грязную забегаловку, где подают тэкия-кебаб с салатом из помидоров и лука. Да, грязно, да, антисанитария. Но с этим не сравнится ни один самый роскошный ресторан любой страны мира. Это память о прошлом и одновременно традиция, которую нельзя променять ни на что.

Я много фотографировал, думая, что если и не удастся открыть представительство, то хоть порадуя ребят-ветеранов, служивших в Кабуле, воспоминаниями о прошлом. Но в итоге все срослось, а крупинки каши из разрозненных мыслей о том, как создать здесь представительство, непостижимым образом сложились в цельную красивую мозаику. По итогам недельного пребывания в афганской столице я вновь сидел в кабинете у Кабулова. Оказалось, что Замир готов к тому, что я попрошу его предоставить мне какое-нибудь помещение под жилье и рабочий кабинет именно в посольстве, так как, на мой взгляд, в других местах никто не смог бы гарантировать мою безопасность. Впоследствии это подтвердила жизнь: на отель «Интерконтиненталь» и гостиницу «Джамиате ислами» были совершены неоднократные нападения талибов, во время которых погибли десятки человек, в том числе иностранцев. Посол пообещал выделить мне двухкомнатную квартиру в старом жилом фонде – одном из немногих уцелевших после войны советских домов. Условия аренды я должен был согласовать с бухгалтером посольства, что я и успел сделать в последний день перед отлетом.

– Установку Интернета и условия соблюдения безопасности согласуешь с моим помощником. Ждем тебя здесь, – сказал Замир. За день до этого я посетил по рекомендации одного из сотрудников посольства представительство компании, занимавшейся поставкой Интернета и размещавшейся на одной из вилл близ улицы Вазир Акбар Хан. Там работали бывшие соотечественники – русские ребята из Казахстана и Узбекистана.

До отлета у меня оставалась пара дней, и я их посвятил интересным встречам с афганцами. Для начала я посетил Музей войны, который раскинулся на большой ухоженной территории у подножия возвышающегося над Кабулом холма «Тапейе Маранджан», где расположено старинное кладбище, когда-то служившее местом упокоения королей, затем павших героев Апрельской революции, потом моджахедов, а ныне превратившееся в излюбленное место отдыха кабульцев. Хозяин и попечитель музея миллионер Карим Фазель приглядывался ко мне очень пристально, расспрашивал об участии в советско-афганской войне и отношении к пуштунам. Он намеренно говорил только на пушту – языке главенствующего в Афганистане народа – и на английском, избегая языка дари.

Внимательно выслушав мои рассказы о некоторых экспонатах его Музея войны, с которыми пришлось сталкиваться в реальности, Фазель разрешил сделать репортаж о нем, а также привести сюда всех россиян, кому это интересно, посмотреть на то, что когда-то летало, стреляло, взрывалось, убивая и калеча людей, губя судьбы во имя безумных идей и несбыточных идеалов. Высокий, плотного телосложения и уверенный в себе Фазель является владельцем и президентом одного из сильнейших и популярнейших в Афганистане пуштуязычного телеканала «Шамшад», здание которого он сам и построил, одновременно возглавляя программу по разминированию с типично афганским названием OMAR (Organization for Mine Clearance and Afghan Rehabilitation).

По словам Фазеля, идея создания такого музея появилась сразу после того, как работники программы разминирования начали находить в земле «эхо войны», причем не только афганско-советской, но и всех трех англо-афганских. После того как было найдено несколько десятков ценнейших исторических экспонатов, включая британские корабельные пушки и полевые орудия, а также собрана богатейшая коллекция мин всех мыслимых и немыслимых разновидностей, в 1994 году был создан Музей войны. Первоначально он размещался на небольшой территории района Вазир Акбар Хан, но, после того как Фазель выкупил землю и подготовил площадку, музей переехал в район Чамане Хозури, к подножию исторического кладбища.

Сам хозяин музея был в тот день сильно занят: одновременно возглавлять телеканал и программу разминирования – дело довольно сложное, а потому прогулка на свежем воздухе была для него своего рода отдушиной. На площадке снимала документальный фильм журналистка из киносъёмочной компании НАТО, которой надо было многое разъяснить; да и крестьяне, сажавшие деревья и цветы на газонах между экспонатами, нуждались в

руководящих указаниях. А потому Фазель вызвал мне квалифицированного гида – доктора Гуляма Дастагира Хазрати, который помог разобраться в сложной структуре музея.

По словам Хазрати, музей служит не только местом паломничества сотен туристов, киногрупп, фотографов и любознательных афганцев, но одновременно представляет собой учебную базу. Программа OMAR подразделяется на два раздела – непосредственного разминирования и противодействия минной угрозе. Сам он учил детей и взрослых методам обнаружения и распознавания мин, минных ловушек и взрывных устройств.

Войдя в здание «внутреннего» музея, Хазрати сразу указал мне на каменную мемориальную доску с выбитыми на ней именами и разъяснил, что на ней увековечены имена тех, кто стоял у истоков программы и погиб, очищая афганскую землю от мин. Примечательно, что это были люди разных убеждений и профессий, которых объединила одна общая идея – сделать так, чтобы афганские дети не боялись ходить по своей земле спокойно. Ширпур Хан – супервайзер программы противодействия минной угрозе, выпускник правового факультета Кабульского госуниверситета. Шах Мохаммад – мастер программы противодействия минной угрозе, выпускник научного факультета Кабульского госуниверситета. Гулям Дастагир – учитель. Абдель Мансур – офицер афганской армии, получивший диплом в военном университете и учившийся пять лет в Советском Союзе. Азизулла – врач. Мохаммад Айяз – известный писатель и поэт, издавший в Афганистане десятки своих книг. Абдул Рахман – водитель... Этот скорбный список, по словам моего гида, можно было бы читать бесконечно.

– На этой доске выбиты имена лишь тех, кто начинал в самое трудное время, когда наша земля буквально кишела минами и неразорвавшимися боеприпасами. А если бы высечь в камне имена всех погибших саперов, то места на стенах музея для мемориальных досок не хватило бы, – сказал гид.

Экспозиция выставки мин очень богатая. Хазрати подвел меня к стеллажу с вырытыми из земли советскими минами – ему они были очень интересны, – а затем к витрине с самыми современными и наиболее опасными «кластерными» американскими минами, использовавшимися в борьбе с талибами. Мое внимание сразу привлекло то, с чем приходилось сталкиваться в жизни. Вот они, наверное, самые подлые в мире противотанковые и противопехотные мины, изготовленные из полимеров. Мало кто знает, что в 80-х годах прошлого столетия, когда советские граждане мечтали стать обладателями супермодных «Жигулей»,

концерн «Фиат», приложивший руку к созданию этой популярной марки легковых автомобилей, одновременно изготавливал и эти мины, получившие у советских солдат и офицеров прозвище «итальянки». Эти мины не поддаются обнаружению металлодетектором, так как не содержат металлических частей. Взрывной механизм устроен так, что на ней может подорваться только десятая или пятнадцатая машина в колонне. С каждым наездом колеса «флажок» взрывателя поднимается все выше, пока не замыкает контакт.

В окутанном полумраком зале музея стоит то, что стреляло по англичанам и гражданам Советского Союза. Это и минометы – от крупнокалиберных до «партизанских» с радиусом действия всего в 600 метров, – и безоткатные орудия, и ружья на треногах, пережившие все афгано-британские войны и успешно применявшиеся против нашего Ограниченного контингента. Есть тут и совсем неожиданные экспонаты, такие как «чапаевский» пулемет «Максим».

Мы вышли с Хазрати на улицу – туда, где выставлены наиболее грозное оружие и боевые машины, применявшиеся в войне 1979–1989 годов. Посреди зеленого поля стоит оперативно-тактическая ракета комплекса Р-300, известная всему миру как «Скад», наводившая в свое время ужас как на моджахедов, так и на мирное население. Неподалеку – зенитные установки, которыми душманы сбивали наши вертолеты, рядом советские гаубицы и самоходные артиллерийские установки, утюжившие позиции душманов. На последней «литерной» стоянке застыла гроза тех далеких дней – боевой советский вертолет «Ми-24», а рядом уже совсем не грозный военно-транспортный вертолет, на котором афганцы нарисовали картину мирной жизни – крестьян, убирающих урожай, и девушку с кувшином на плече. У самого входа в музей стоит четырехкрылый советский самолет, на котором автор этих строк, будучи военным переводчиком, должен был лететь в апреле 1980 года в город Джелалабад, но самолет тогда сломался и не полетел. По слухам, его сбили моджахеды в начале 80-х, а вот Фазель нашел и привез в свой Музей войны. Было тяжело и грустно ходить по этому музею своего и чужого прошлого. Директор, почувствовав это, оставил «натовскую» девушку и подошел к нам.

– Мы закрыли старую страницу в истории. Мы, конечно, будем ее помнить, и я буду признателен за любой документальный фильм о войне 80-х. Ведь люди должны знать правду о ней, а не слушать рассказы псевдомоджахедов или политиканов. Но все-таки пришло время начать все с самого начала, вновь строить наши отношения на основе дружбы, взаимного уважения, справедливости и понимания, – сказал директор, пригласив всех русских

посетить его музей. – Входную плату мы не берем. У входа стоит копилка, в которую каждый сможет бросить столько денег, сколько подскажет ему сердце. Они нужны нам только для поддержания этого музея. Ведь не зная своего прошлого, людям будет трудно предугадать свое будущее, – сказал на прощание Фазель.

В последние дни перед отъездом мы с пресс-секретарем посетили мероприятие министерства образования, где под большим красным шатром выступал с трибуны хорошо знакомый мне хромоногий министр Ханиф Атмар, который в 80-х служил в одном из управлений службы безопасности. Это хорошо, подумал я, значит, и «коммунисты» здесь сегодня тоже при делах. Вторая встреча была куда более интересней – на одной из хорошо охраняемых вилл в кабульском районе Карт-е Чар я четыре часа кряду беседовал с глазу на глаз с секретарем Национального фронта Афганистана, главой парламентского комитета по вопросам экономики хазарейцем Саидом Мустафой Каземи, который ранее занимал пост министра торговли. Узнав, что во времена Апрельской революции я служил и работал в Афганистане, Каземи велел на сегодня больше никого из ходоков не принимать и распорядился подать к столу чай и сладости.

Мы говорили довольно откровенно о прошлом, настоящем и будущем. Хлебнув чаю из красивой фарфоровой чашки, Каземи вдруг спросил меня: а как я лично отношусь к хазарейцам? Я ответил, что хазарейцы для меня трудяги, которых я помню прежде всего как людей, впряженных в огромные деревянные телеги под названием «карачи». Он засмеялся.

– Еще хазарейцы охраняли наше посольство во времена моджахедской междоусобицы в начале 90-х, – добавил я. – И, наверное, благодаря этому посольство наше и стоит, – польстил я собеседнику. Мой простой ответ его, конечно, позабавил, и он рассмеялся. Но, как известно, в каждой шутке есть доля шутки, и, убедившись в том, что я не имею ничего против его сподвижников, Каземи перевел разговор на другие, более важные политические темы.

Узнав, что я знаю командующего Вторым армейским корпусом ВС ДРА и временного губернатора Кандагара «коммуниста» Нур уль-Хака Олюми, собеседник обрадовался и рассказал, что Национальный фронт объединил в своих рядах и таких, как Олюми, и многих других, а главная цель Фронта – проведение политики национального примирения. Она не совсем такая, конечно, какую проводил убиенный талибами президент Наджибулла, но очень близкая к

ней по духу. По словам Каземи, Национальный фронт вобрал в себя целый спектр политических сил. В него, помимо других, входили многие любимые мной депутаты-«коммунисты» от бывшей правящей партии НДПА, в том числе Саид Мохаммад Гулябзой, бывший глава МВД страны, а также мой знакомый Нур уль-Хак Олюми.

– Злопыхатели и исламские радикалы иногда именуют наш Национальный фронт «Северным фронтом», так как в него преимущественно входят представители нацменьшинств Афганистана – таджики, хазарейцы, узбеки и другие. Главная же задача Фронта – объединить все политические силы страны, заинтересованные в восстановлении мира и спокойствия в Афганистане и развитии национальной экономики на благо афганского народа, – сказал он.

Мы еще долго пили чай и вспоминали прошлое. В конце встречи договорились, что когда я приеду в Кабул на постоянную работу, то непременно поставлю во главу угла работу с Национальным фронтом, куда мне всегда будет открыта дверь. Каземи предупредил меня о большой активности террористов, посоветовав быть очень осмотрительным при перемещениях по провинциям, да и по Кабулу в частности. Каземи рассказал, что сейчас отослал свою семью в Иран, так как в Кабуле ей находиться крайне опасно.

Но новой встречи с Каземи не произошло. Когда в Москве я спешно оформлялся в командировку, из Афганистана пришла печальная новость: шестого ноября в провинции Баглан на церемонии открытия нового сахарного завода в теракте были убиты шесть депутатов афганского парламента, среди них был и Каземи. Всего число жертв теракта перевалило за сто человек. Официальные власти подтвердили гибель 64 человек, среди которых помимо депутатов были полицейские, случайные прохожие, включая женщин и детей. По данным МВД, террористы провели двойной теракт, приведя в действие сразу два взрывных устройства у входа на фабрику. Среди раненых оказались замминистра сельского хозяйства, депутат парламента Шукрея Баракзай (женщина).

Впоследствии я пытался разобраться в этой трагической истории, но чем глубже я «рыл», тем больше возникало вопросов, не находивших ответы. Атака талибов произошла в тот момент, когда высоких гостей пришли встречать у ворот сахарной фабрики сотни мирных граждан и учащиеся местных школ и лицеев, старейшины племен и городская администрация. Стоит отметить, что в Баглане проживают в основном этнические таджики, которые часто находятся в конфронтации с действующей здесь же группировкой «Исламской партии

Афганистана» Гульбеддина Хематиара, поэтому первые мои подозрения пали именно на ИПА. Ближайшие же соратники Каземи были уверены в том, что теракт был запланирован заранее и направлен именно против их партийного лидера.

Родственник погибшего Каземи Мохаммад Бакир рассказал, что был в Баглане вместе со своим братом во время теракта 6 ноября и засвидетельствовал, что Саид Мустафа погиб не от взрыва, а от автоматного огня, который группа неизвестных лиц сразу после взрыва открыла по Каземи и его охранникам. По словам Бакира, он видел, что как минимум два охранника его брата были убиты у него на глазах нападавшими из автоматического оружия. Исходя из постулата о том, что «на воре и шапка горит», я с удивлением прочитал заметку информационного агентства «Бахтар» о том, что посольство Великобритании объявило о выплате по 40 тысяч долларов семьям, в которых погибли люди при взрыве в Баглане. Посольство также обещало помочь семьям погибших одеждой и продовольствием. К чему бы это? Ведь сахарный завод, на открытие которого приехали афганские парламентарии, находился в зоне ответственности ФРГ, и именно немецкие службы безопасности и военнослужащие бундесвера не смогли обеспечить должную безопасность высокой правительственной делегации.

Впрочем, соратники Каземи, которому на территории афганского парламента чуть позже был возведен памятный обелиск, горевали недолго, и 27 ноября в ходе заседания Высшего совета Национального фронта Афганистана был избран новый председатель политического совета организации. Им стал Сайд Ака Фазел Санчарки, который ранее занимал пост замминистра культуры. Двоюродный брат покойного и его коллеги по парламенту предлагали эксгумировать тело Каземи для проведения тщательного расследования. Однако многочисленные комиссии, назначенные президентом Хамидом Карзаем, поспешили отчитаться о том, что это был обычный теракт, а не спланированное покушение. Глава МВД Афганистана заявил, что от пулевых ранений погибли только три человека. В то же время очевидцы происшедшего утверждали, что большинство пострадавших, в том числе афганские мальчишки-скауты из местного лица, погибли или получили ранения в результате скоротечной ожесточенной перестрелки между охраной парламентариев и группой вооруженных людей, открывшей огонь сразу после прогремевшего взрыва. Но расследование было закрыто: в Афганистане времени не хватает на живых, что уж тут говорить о покойниках?

В Москве я быстро получил добро на открытие представительства у начальства и сразу попросил заведующего административным управлением РИА «Новости» оформить мне синий служебный паспорт. Тут вышла небольшая заминка: профильный отдел не хотел подавать заявку на синий паспорт в МИД после «терок» завпредставительства агентства в Дели с посольством России в Индии. Там директор представительства РИА «Новости» имел зеленый дипломатический паспорт и при решении рабочего вопроса почему-то посчитал себя настоящим дипломатом. После этого по МИД вышел негласный приказ: дипломатических и служебных паспортов журналистам не давать. Но я себе синий паспорт продавил. В Афганистане людей с общегражданским красным российским паспортом считают туристами. Владельцам данного документа для того, чтобы получить разрешение на работу, необходимо каждые полгода подтверждать его в министерстве труда. С учетом афганской бюрократии, волокиты и мздоимства можно было бы просто в этом министерстве поселиться, забыв про всякую работу. Синий же паспорт причисляет его владельца к сотрудникам посольства, консульский отдел уже сам отдает его в афганский МИД раз в год на продление рабочей визы. С получением синего паспорта я убил сразу двух зайцев: при необходимости я потом представлялся афганцам сотрудником посольства, минуя препоны и рогатки, выстроенные для представителей СМИ афганскими органами безопасности при освещении различных мероприятий. В ряде других случаев я мог быстро поменять этот статус на журналистский, так как имел подкрепленную удостоверением аккредитацию представителя российского СМИ в МИД Исламской Республики. И это мне действительно сильно помогало в работе.

Погружение в действительность

По прилету в афганскую столицу на постоянную работу я перво-наперво занялся обустройством своего жилища и кабинета, а также установкой Интернета, который работал от направленной на вышку сотовой связи антенны. В предоставленной мне квартире было маловато мебели, не было штор на окнах и никакой посуды, так что одновременно приходилось совершать вылазки в город по магазинам. Первые несколько дней я вообще не спал – составлял ночью план действий на завтра, а с утра пораньше уезжал в город на автомобиле, предоставленном мне Нуром. Сотрудники посольства оказали мне неоценимую помощь в изготовлении и креплении шеста для антенны, которую мы с представителями фирмы-провайдера долго устанавливали и настраивали на

крыше дома, где я жил. К слову сказать, этих ребят-провайдеров тщательно проверяли и обыскивали при входе на территорию дипмиссии, несмотря на то что все они родились в СССР. В стране шла гражданская война, концентрация офицеров спецслужб, в том числе технических подразделений, различных государств в Кабуле просто зашкаливала, и такие меры были жизненно необходимы. Только при посольстве США и в официальном представительстве ЦРУ, размещавшемся в здании бывшей партийной гостиницы ЦК Народно-демократической партии Афганистана «Ариана», жили и работали более 600 сотрудников Центрального разведывательного управления.

О том, что Интернет в Афганистане являлся довольно простым средством слежения за человеком, свидетельствовал и тот факт, что уже в апреле 2008 года главе МИД Германии Франк-Вальтеру Штайнмайеру пришлось звонить своему афганскому коллеге Рангину Дадфару Спанта и выражать сожаление в связи с действиями военной контрразведки ФРГ. Немецкая военная контрразведка имела доступ ко всей переписке по Интернету афганского министра торговли Мохаммада Амина Фарханга, установив в его кабинете шпионское программное оборудование, сообщила пресс-служба МИД Афганистана. Ходили разговоры о том, что электронная почта самого министра иностранных дел также просматривалась немцами. Но Спанта – человек очень умный и выдержанный. Приняв сожаления германского коллеги в связи с досадным инцидентом, он отметил, что это не повредит отношениям доверия между двумя государствами. В тот же день Спанта провел в Кабуле встречу с представителем азиатского отдела МИД Германии Блюменом Бартемом Штейном, в ходе которой также поднималась тема слежки за электронной почтой афганского министра со стороны немецких военных. Стороны подтвердили, что недоразумение не сможет стать причиной ухудшения отношений двух стран и помощь Германии Афганистану будет продолжаться.

Чуть позже спецслужбы стали применять новейшее оборудование слежки за Интернетом, уже не требовавшее установки шпионского оборудования в кабинетах интересующих их лиц. Это делалось дистанционно. Мой друг Гарик, специалист по электронным и компьютерным системам, а также устранению последствий взломов, живший в одном доме со мной в соседней квартире, очень часто «лечил» мой компьютер и ставил на него блоки от несанкционированного доступа к информации. Шпионские программы засылались на комп даже в анонсах предстоящих мероприятий, приходивших на мой электронный адрес. Однажды западные спецы заслали мне такой вирус, с которым не смогли справиться никакие файрволы и антивирусные программы. Но Гарик после двух бессонных ночей, которые он провел у моего компьютера, выяснил, что

шпионская программа была внедрена через антивирусную программу, точнее – через лейбл, указывающий на то, что в ноутбук внесен вредоносный файл. Им была применена разработанная международными хакерами и новая на тот момент времени деблокировочная программа Stmboofix, позволившая избавиться от вторжения «пришельцев» и не покупать мне новый компьютер. Гарик оказывал мне неоценимое «электронно-техническое» содействие в течение всей моей командировки, проводя часы отпущенного ему на отдых и общение с семьей времени у моего компа, и я ему за это очень благодарен. Когда я вырастил за домом свои первые огурцы, которые получились почему-то идеально круглыми, первые спелые и колючие овощи были преподнесены мной в качестве подарка его малолетней дочке. Огурцы ей понравились.

...К вечеру третьего дня пребывания в Кабуле у меня уже работал Интернет, хотя и очень медленно. Я то и дело лазил по внутренней железной лестнице на крышу дома, чтобы поправить антенну, которую разворачивало сильными порывами ветра, попутно делал с крыши портативной видеокамерой панорамные фотографии Кабула. В первую же неделю своего пребывания в Кабуле я оформил аккредитацию в афганском МИД. Выяснилось, что мы хорошо знакомы с руководителем управления информации и печати Министерства иностранных дел, который во время Апрельской революции работал заместителем генерального директора государственного информационного агентства «Бахтар». В ту пору я трудился в Афганистане в качестве корреспондента ТАСС, который шефствовал над «Бахтаром». Зимой, когда у нас отключали свет, мы частенько ездили передавать информацию через телетайпы «Бахтара», чтобы не возиться со своим дизель-генератором. Когда для афганских коллег приходила гуманитарная помощь – запчасти для оргтехники, бумага, телетайпные ленты и многое другое, я лично ездил на таможню в афганский аэропорт, получал посылки, грузил это добро в свою «Ниву» и привозил в «Бахтар». Начальник управления МИД оказался тем самым замом информагентства, который принимал у меня эти грузы.

Было приятно, что первым официальным лицом, с которым я пообщался уже в статусе корреспондента РИА «Новости», стал мой хороший знакомый. В дружеской беседе он поведал мне, что гендиректора «Бахтар» Дауда Кавиана после падения режима доктора Наджиба арестовали моджахеды и посадили на несколько лет в централ Пули-Чархи. Он с честью прошел это суровое испытание, а после того, как его выпустили из зловещего пенитенциарного учреждения, эмигрировал в Германию, где впоследствии возглавил отделение афганской коммунистической партии.

Документы в МИД мне оформили очень быстро, а чуть позже, когда журналистская деятельность в Исламской Республике начала лицензироваться (правительству требовались доходы), я получил бесплатно первую в истории Афганистана бессрочную лицензию № 1 зарубежного СМИ на осуществление агентством РИА «Новости» журналистской деятельности в Афганистане. Это было отрадно. Однако в Москве на это событие отреагировали вяло. Начальство было занято разработкой сонмища каких-то очень затратных информационных проектов, вгонявших агентство в бюджетную кабалу и полную подконтрольность. Впоследствии не окупавшее само себя агентство РИА «Новости» с огромным штатом сотрудников полностью стало зависеть от бюджетных миллиардов, а попытки проводить самостоятельную информационную политику на этом фоне привели к его ликвидации.

Платить в Кабуле за машину по 40 долларов в день я больше не мог – бюджет представительства этого не позволял. Мне была выделена определенная сумма в долларах США, которую я должен был потратить на приобретение авто для представительства. Я озадачил этим Нура, который уже через пару дней представил мне свои готовые предложения. Сев в его личную «Тойоту», мы поехали на северо-восток города в район Касаба, где в то время располагались многочисленные рынки подержанных авто. Для Афганистана с его хаотичным движением, выбоинами и колдобинами на дорогах нужен был крепкий внедорожник. Владелец одного из комиссионных магазинов уже подготовил нам на просмотр несколько вариантов. Мы остановились на дизельном внедорожнике «Toyota 4-runner» с тонированными на все 100 процентов стеклами. Относительно прозрачным в машине было только лобовое стекло. Порадовало то, что кнопкой из салона можно было опустить заднее стекло. Первоначально машина, доставленная в Кабул из ОАЭ, была праворульной, но в Эмиратах в авторизованной мастерской руль переставили на левую сторону. Впоследствии все праворульные автомобили в Исламской Республике объявили вне закона, а затемненные стекла просто запретили под угрозой изъятия авто в пользу государства. МВД усмотрела в тонировке стекол угрозу безопасности для жителей Афганистана, так как «в автомобилях с тонированными стеклами могли передвигаться террористы и диверсанты, которых полицейским нелегко обнаружить».

Мы быстро оформили договор купли-продажи и поехали домой. Дорога пылила через район, где в 80-е годы прошлого столетия располагалась одна из наших воинских частей, в которой находился морг 40-й армии. Удивительно, но бетонные стены, отлитые квадратами по периметру бывшей в/ч, сохранились в первозданном виде. Уцелели и железные ворота, на которых темнела

проржавевшая красная звезда. На месте бывших модулей темнели останки генераторов, печей, другого уже никому не нужного военного скарба, который даже запасливые афганцы посчитали для себя совершенно бесполезным. На площадке, где находился наш бывший морг с холодильниками, работала группа афганцев – панджширских таджиков. Я подошел к ним, мы разговорились. Оказалось, что земельный участок тут выкупила какая-то фирма, зарегистрированная в ОАЭ, и здесь запланирована жилая застройка виллами. Сам морг – уходящий в землю полуподвал с двумя секциями железных ворот – пока не разрушили, но уже оборудовали в нем склад строительных материалов.

Четверть века тому назад в этом полуподвале в серых пластиковых пакетах ожидали превращения в «груз-200» убитые советские мальчишки-солдаты и офицеры, которых сюда свозил «Ан-12», получивший в народе название «Черный тюльпан». Здесь происходили опознания трупов и останков военнослужащих, служащих и гражданских лиц, здесь же, как и в ряде других районов Афганистана, деревянные гробы закладывали в цинковые пеналы, которые затем запаивались, а те – в большие деревянные ящики с ручками для переноски. Общий вес груза не должен был превышать 200 килограммов...

В тот момент я почему-то думал не о мертвых, а о живых. Что должны были чувствовать люди, которые на ежедневной основе занимались приемкой и сортировкой трупов и их частей, изготовлением гробов и запайкой цинков? Где они, живы ли сегодня, не сошли ли часом с ума от выпавших на их долю испытаний? Я ходил по стройплощадке, некогда бывшей советским гарнизоном, и пинал носками ботинок разбросанные кругом камни, пока не уперся в остовы сгоревшего «газона» и хорошо сохранившегося автобуса «ПАЗ», служившего когда-то труповозкой. Нахлынули совсем мрачные мысли, и я заторопился домой. По пути мы догнали военную колонну итальянцев, которые стали махать нам руками и водить в разные стороны установленным на броневишке немецким пулеметом МГ. Нур подсказал, что нужно быстро отстать от колонны, иначе по нам начнут стрелять, приняв за террористов.

Вдоль дороги от района Касаба, где у подножия горы до сих пор стоят невредимыми первые четырехэтажные сейсмостойкие дома, построенные при содействии советских специалистов для рабочих Кабульского домостроительного комбината, вплоть до середины пути к Хайрхане на протяжении многих километров пустынная местность была оцеплена колючей проволокой, за которой грудились артефакты войны, сопровождавшей Апрельскую революцию. Обломки упавших самолетов и вертолетов, сгоревших

БТР и БМП, грузовиков, военной амуниции, ставшие через пару десятилетий ненужным металлоломом. Несколько километров немых свидетелей убитых человеческих судеб. О, если бы железо заговорило...

Это были первые яркие, не очень приятные впечатления от моей предпоследней командировки в Афганистан и от новых афганских реалий. Чуть позже я научился за километр объезжать военные колонны международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF) и даже их возможные маршруты. Талибы с «жилетами смертника» на теле атаковали их как пешие, так и на автомобилях, причем повсеместно. В основном под раздачу попадали те, кто оказывался рядом, а именно мирные жители и водители частных автомобилей.

...Потом мы съездили в Министерство обороны, где я официально представился начальнику управления печати и парламентских связей генералу Азими, курировавшему одновременно и пресс-службу ведомства. Само министерство уже давно переехало в комплекс зданий бывшего Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана, расположенный в непосредственной близости от президентского дворца Арг. Западное крыло министерства обороны, где раньше размещался отдел обороны и юстиции ЦК НДПА, сегодня выходит прямо к центральному подъезду президентского дворца. Туда, где когда-то на пьедестале стоял танк одного из зачинщиков Апрельской революции – Мохаммада Аслана Ватанджара, который первым ворвался во дворец, где минуты спустя были убиты законный руководитель Афганистана Сардар Мохаммад Дауд и члены его семьи. Танка на пьедестале уже давно нет. В годы войны «Северного альянса» с талибами бойцы таджикского воинства Ахмадшаха Масуда залили в танк солярки, и простоявший на постаменте без малого тринадцать лет Т-54 без труда завелся и уехал воевать в долину Панджшир с движением «Талибан».

Я спросил генерала Азими, не состоит ли он в родстве с бывшим замминистра обороны Республики Афганистан во времена доктора Наджиба.

– Нет, тому Азими я, к счастью, не родственник, это просто совпадение фамилий, – ответил собеседник, нажав на столе кнопку вызова своего помощника. Вскоре в кабинет вошел рослый офицер, прекрасно говоривший по-русски. В свое время он учился в СССР, а в афганской армии во время революции служил замполитом одной из воинских частей. Мы обменялись контактами, и с тех пор я имел доступ в МО, где впоследствии познакомился со многими офицерами, учившимися в свое время в Советском Союзе. Забегая вперед,

расскажу, что год спустя, уже совсем освоившись, перед различными пресс-конференциями, проходившими в комплексе зданий Минобороны, я проводил с солдатами и офицерами самочинные пятиминутные политзанятия, в ходе которых рассказывал им о вредоносности США и НАТО для судеб их отчизны и военной помощи братского СССР, правопреемником которого сегодня является Россия. Солдаты слушали меня, открыв рты, а вот офицеры только посмеивались в усы.

– Да-да, хорошо помним, как вы нас тут бросили на растерзание душманам, – сказал мне однажды один из офицеров, служивших в Герате и слушавший мою краткую политинформацию. – Я был вынужден в то время бежать с семьей в Иран и жить там в лагере беженцев. Так что не надо о больном.

Но, несмотря на затаенную обиду, многие офицеры, в том числе из пресс-службы, частенько зазывали меня в свой кабинет на чай, прося рассказать истории из моей прошлой афганской жизни. Я рассказывал и попутно задавал много вопросов о судьбах людей, с которыми приходилось сталкиваться в те достославные времена. Они мне с готовностью рассказывали и о них, и о себе. Так что уже довольно скоро я знал, на кого там можно положиться, с кем можно иметь дело, а с кем лучше не надо. Поведали они мне много интересного и о самом Азими, семья которого в то время жила в Иране. По старой привычке я почти ко всем обращался как к «рафикам» (товарищам). Например, рафик Нур! Или рафик Азими! Очень многим это нравилось, так собеседники сразу и безошибочно определяли во мне «шурави» и становились раскрепощенными и словоохотливыми. Не очень нравилось такое обращение только самому Азими, который через пару лет отвел меня в сторонку и тихо попросил называть его «ага» (господин), так как, по его словам, многие недоумевали, почему бывший моджахед вдруг стал товарищем коммунисту.

Тем не менее стоит признаться, что Азими относился ко мне хорошо, а сотрудники его управления всегда оказывали мне посильное содействие при освещении разного рода событий или официальных мероприятий. Не было ни одного случая, чтобы мне не позвонили из Минобороны, когда намечалось какое-нибудь официальное или неофициальное действо. Помимо прочего, укрепляя связи с товарищами в армии посредством личных контактов и маленьких подарков, я стал добывать больше полезной для себя и работы информации. Меня стали узнавать на КПП дежурные офицеры, и даже тогда, когда в самый разгар террористической вакханалии машины местных и иностранных журналистов перестали пускать на внутреннюю стоянку Минобороны, для меня

делали исключение. Я старался платить афганским военным за их доброе ко мне отношение искренностью и содействием в решении их проблем.

Постепенно адрес моей электронной почты просочился в листы адресатов информационной рассылки для СМИ различных министерств и ведомств, я стал больше знать обо всем намечавшемся официозе. Так как я работал в стране один, а, к примеру, в американском агентстве «Ассошиэйтед Пресс» более 20 человек, включая пишущих журналистов, фотографов, кинооператоров и фотокоров, на все мероприятия я не успевал физически и часть из них делал по пресс-релизам. Поняв, что один я тут зашьюсь, вскоре я взял к себе в осведомители на мизерные, но сносные по афганским меркам зарплаты (приходилось платить им из своего кармана и урезать расходы по другим статьям жизнедеятельности представительства) несколько информаторов из числа корреспондентов афганских СМИ. Другие источники я оплачивал полученными по выписке спиртными напитками, которые афганцы с радостью брали. Не знаю, пили ли они их. Думаю, что некоторые пили, а некоторые продавали на том же Чикен-стрит втридорога. Торговля спиртным, которая была разрешена в 80-е годы в ДРА и полностью запрещена в Исламской Республике, никогда не кончалась и не кончится. Органы нынешней афганской госбезопасности и полицейские отлично знают, где продается качественное спиртное, но не прикрывают эти подпольные торговые точки в своих интересах, следя за тем, кто к ним приходит, что продает или покупает, что говорит и чем интересуется. Это старая и проверенная временем работа по сбору информации об иностранцах. Однако многие офицеры полиции сами потребляют хороший алкоголь, снимая, таким образом, стресс после терактов, объектами которых они же и становятся или последствия которых им приходится «разгребать». Скажу откровенно: за все свое 13-летнее пребывание в стране я не встречал афганца, который бы не взял от меня в подарок бутылку водки или виски.

Время потихоньку шло, события множились, и довольно скоро я стал работать вообще без выходных. В пятницу и субботу отдыхали от дел сотрудники посольства, но мое агентство в Москве в это время работало. А когда там начинались выходные, закипала бурная жизнь в Афганистане. Причем, как я скоро заметил, почему-то громкие теракты, убийства, похищения и события выпадали аккурат на субботу с воскресеньем. Вскоре я к этому привык, перестал себя жалеть и уже с легкостью делал неотвратимую влажную уборку помещения в перерывах между переводами, написанием и передачей информации. Махая шваброй, попутно смотрел новостные блоки дариязычного телеканала «Толо», который почти всегда первым сообщал о терактах. Когда это происходило, я «заряжал» всех своих информаторов по телефону, и они спустя считанные

минуты начинали мне диктовать с мест событий. Вскоре я поднатерел в этом деле так, что стал обгонять по скорости передачи оперативной информации в Москву многие западные информагентства.

Уже на третий или четвертый день моего пребывания в стране, а это был вторник, Кабул сотрясла серия терактов, правда не очень больших. Два мирных жителя погибли и еще несколько получили ранения в результате взрыва начиненного тротилом автомобиля возле военной колонны в центре Кабула. В тот же день смертник совершил теракт в международном аэропорту Кабула (как удачно я приехал!), взорвав заминированный автомобиль рядом с колонной ISAF. Были ранены 22 мирных жителя, причем большинство составили пассажиры микроавтобуса, ехавшие в аэропорт для отлета за рубеж. Взрывы, как это ни парадоксально, были спровоцированы оперативной работой афганских СМИ, которые сообщили заранее, что во вторник в Кабуле ожидается встреча министра обороны США Роберта Гейтса с президентом Афганистана Хамидом Карзаям. Гейтс прибыл накануне с визитом в столицу Афганистана, чтобы оценить результаты борьбы с терроризмом в стране. Наверное, оценил по достоинству, так как днем позже в районе Чель Сотун террорист-смертник врезался на машине, начиненной взрывчаткой, в микроавтобус с афганскими солдатами. В результате 12 человек были убиты, несколько ранено. Террорист находился в автомобиле «Тойота-Королла», когда она на полной скорости протаранила микроавтобус, полный военных. Ответственность за теракты взяло на себя радикальное движение «Талибан». Пресс-секретарь талибов Кари Юсуф Ахмади сообщил по мобильному телефону, что террористические акты в афганской столице имели целью продемонстрировать неспособность США контролировать обстановку в Афганистане и полную недееспособность иностранных войск в вопросах обеспечения безопасности. Ну что ж, продемонстрировали.

Впоследствии высокие зарубежные гости и политики прибывали в столицу ИРА всегда только с необъявленными визитами, о которых порой не знали сами афганцы, так как небо над Кабулом контролировали сидевшие в аэропорту военные диспетчеры НАТО. Впрочем, и они иногда становились мишенью для боевиков, которые обстреливали аэропорт и военный аэродром старыми советскими реактивными снарядами БМ-1. Спустя пару дней после этой вакханалии еще один представитель талибов, на этот раз Забиулла Моджахед, информировал представителей афганских СМИ о том, что нынешняя зима станет для режима Хамида Карзая самой кровавой.

Операция в провинции Гельменд

Шестого декабря объединенное командование сил коалиции, в которую входили войска США, международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF) и Вооруженные силы Афганистана, объявило о начале широкомасштабной военной операции против антиправительственных вооруженных формирований на юге страны. Как сообщил журналистам официальный представитель объединенного командования «миротворческими» силами, операция должна была начаться уже через пару дней в уезде Муса-Кала провинции Гельменд. Жителям близлежащих кишлаков было предписано в кратчайшие сроки покинуть районы предполагаемых боевых действий в целях недопущения жертв среди мирного населения. Согласно сообщениям, поступавшим из Гельменда (к тому времени я уже наладил контакт с тамошним помощником и пресс-секретарем губернатора), на седьмое декабря свои дома покинули уже более семи тысяч жителей Муса-Калы, которые переместились в сторону города Гиришк и стали там лагерем в палатках.

Днем позже подразделения ISAF начали массированное наступление на Муса-Калу. Британские и афганские военные обстреливали городок из тяжелых артиллерийских орудий. Однако решающую роль в этой операции должны были сыграть американские десантники, которых перед наступлением сумерек в район боевых действий высадили вертолеты. В городе, по моим данным, сумели закрепиться на позициях до двух тысяч вооруженных талибов, которые успели создать действенную систему обороны города, включающую в себя защитный пояс из минных полей. Спустя четыре дня талибы ушли из уезда, захваченного ими еще весной 2007 года, во избежание потерь среди мирного населения. По словам очевидцев, они покинули населенный пункт без паники на грузовиках и мотоциклах за несколько часов до начала вторжения войск коалиции.

Победные репортажи афганского Минобороны и пресс-службы НАТО, которыми сразу заполнились передачи афганского телевидения и радио, были, однако, изрядно подпорчены чрезвычайным происшествием в восточной провинции Кунар, где солдаты ISAF расстреляли стадо овец, принадлежавшее одному из кочевых племен. Как сообщил мне по телефону шеф полиции Кунара бригадный генерал Абдул Джалал Джалал, этот дикий инцидент произошел шестого декабря в районе Саркано, где солдаты иностранного воинского контингента проводили учебные стрельбы. Увидев «бесхозных» овец, они открыли по ним прицельный огонь. Результатом «учебных» стрельб стала гибель почти 70

парнокопытных.

Не успели все порадоваться успехам правительственных сил в Муса-Кале и в шутку погоревать о пропавшей бесхозной кунарской баранине, как Кабул сотрясла новая серия терактов. Пятнадцатого декабря пять человек погибли и 10 получили ранения в результате двух взрывов, произошедших поочередно один за другим на дороге, соединяющей центр афганской столицы с районом Хайр-Хана. Разбросанные куски железа, догорающие покрышки автомобилей, иссеченные осколками взрывов стены близлежащих дуканов – такую картину застал я на месте происшествия. Взрыв произошел прямо напротив ворот управления безопасности полиции Кабула, которые охраняли двое итальянских военных и трое афганских солдат. Итальянцы были приветливы и дружелюбны, а вот афганцы подчеркнуто сухи и неразговорчивы. Повертев в руках удостоверение личности журналиста, выданное МИД Афганистана, и, видимо, так и не поняв, что в нем написано, из-за неграмотности, один из афганских солдат отдал мне его назад со словами: «Фотографировать можете, но только не расспрашивайте ни о чем людей. Там сейчас работают следователи». При этом он указал рукой на толпу, сгрудившуюся вокруг двух офицеров полиции. Но все же очевидцев расспросить удалось. Один из них, Ахмад Хашим, случайный прохожий, рассказал, что сначала прогремел первый очень сильный взрыв, а когда люди стали сбегаться к месту происшествия и вылезать из руин порушенных дуканов, раздался второй, уже менее сильный. В основном люди пострадали при первом взрыве.

– Они (бандиты) хотят нас запугать и заставить их бояться. Но добиваются они обратного. Мы люто их ненавидим. Они уже замучили нас терактами. Сколько можно убивать свой народ? Они не могут воевать против солдат, они лишь умеют убивать женщин, детей и немощных стариков, – с гневом сказал Хашим.

Специальные команды по уборке мест терактов работают в Кабуле слаженно. За 30 лет войны они научились делать это тщательно и оперативно. Человеческие тела и их фрагменты быстро грузятся в брезент и специальные пластиковые мешки серого цвета и увозятся на спецтранспорте в неизвестном направлении. Железо, кирпичи и другой строительный мусор грузят в машины и также мгновенно увозят. Уже через час никто и не подумает, что здесь произошла трагедия. На своей «Тойоте» с белыми афганскими номерами я уехал с места теракта, так как толпа начала выражать недовольство при виде фотоаппарата. По дороге остановился у полицейского блокпоста расспросить подробности инцидента.

Передо мной стоял полковник, представившийся начальником управления полиции одного из районов Кабула. Он также тщательно изучал документы, а потом, отдав их, сказал на чистом русском языке: «Ну, как по-вашему, лучше было раньше или сейчас?» И начал смеяться. Нервный смех – вполне адекватная реакция на трагедии, которые происходили в Кабуле чуть ли не каждый день.

– Я не могу многого сейчас говорить, – продолжал улыбаться подполковник. – Время такое. Но все же сам отвечу на заданный мной вопрос. При «коммунистах» было несравнимо лучше. Был порядок, была работа для всех, была настоящая безопасность. А сегодня что? – Полицейский в фуражке с малиновым околышем горестно помахал рукой и сказал на прощание: – При шурави жизнь имела смысл. Может быть, вы все-таки когда-нибудь вернетесь?

Не успел я передать в Москву репортаж с места события, как пришла новая безрадостная весть: на «восточной» афганской дороге Кабул – Джелалабад обстреляна колонна афганской национальной армии (АНА). В результате инцидента подбит один бронированный «Хаммер», который медленно, но все же на своем ходу сумел добраться до «старого» советского микрорайона афганской столицы, где и заглох. Пока я писал информацию, задиктованную мне информатором, работавшим на месте инцидента, пришло новое сообщение: число жертв субботнего теракта в Кабуле возросло до 30 человек. Впрочем, к терактам и ракетным обстрелам в Кабуле я очень быстро привык и выезжал на места инцидентов только в особо тяжелых случаях. Террористическая вакханалия в городе и его окрестностях, а также афганских провинциях попросту мешала работать и сосредоточиться на более важных вопросах и проблемах. А их было хоть отбавляй.

В самом конце декабря 2007 года в Исламской Республике разразился дипломатический скандал – афганские власти намеревались выслать из страны двух высокопоставленных иностранных дипломатов – сотрудника миссии ООН британца Марвена Паттерсона и исполняющего обязанности главы представительства Евросоюза ирландца Майкла Семпле. Органы безопасности ИРА установили, что эти дипломаты вдвоем совершали поездки в южную провинцию Гельменд и регулярно встречались с представителями различных кланов и группировок, в том числе с талибами. Власти объявили дипломатов персонами нон грата и потребовали, чтобы они покинули Афганистан в течение 48 часов. ООН заявила, что выполнит требование афганского правительства, но сами дипломаты назвали случившееся недоразумением. В своих беседах с представителями СМИ они подчеркивали, что эти встречи нельзя было

трактовать как поддержку талибов. По их словам, скандал являлся «бурей в стакане воды» и зашел намного дальше, чем предполагалось. Однако глава пресс-службы афганского президента Гамаюн Хамидзада заявил, что указанные иностранные граждане объявлены персонами нон грата, а их афганские коллеги арестованы и находятся под следствием. По словам пресс-секретаря, высланные дипломаты занимались деятельностью, не относящейся к их служебным обязанностям.

Масла в огонь скандала подлила статья в The Telegraph со ссылкой на свой источник в британской разведке. В ней сообщалось, что офицеры из разведслужбы MI6 летом 2007 года неоднократно проводили секретные переговоры с лидерами движения «Талибан». Встречи британцев с талибами проводились в присутствии официальных представителей афганского правительства в Гельменде. Премьер-министр Великобритании Гордон Браун отрицал факт переговоров между британцами и представителями талибов. Британские чиновники, решив, что идеальной защитой является нападение, заявили: встречи со старейшинами проводил лично президент Афганистана Хамид Карзай.

Не стоило им злить афганского президента. Ведь в крови каждого пуштуна живет переданная поколениями капля генетической ненависти к англичанам, которые вели в Афганистане захватнические войны. Президент распорядился сровнять это «преступное британское кубло» с землей. И тут же афганские власти обнародовали новые подробности громкого шпионского скандала. Выяснилось, что Лондон планировал создать в провинции Гельменд тренировочный лагерь для двух тысяч бывших боевиков «Талибан», которых затем предполагалось задействовать при создании отрядов местной самообороны. Тренировочную базу предполагалось построить близ города Муса-Кала. Согласно планам британского командования в этой провинции, бывших боевиков в этом лагере могли бы обучить новым ирригационным и сельскохозяйственным технологиям, что стало бы альтернативой выращиванию опиумного мака. Первоначальные инвестиции в создание центра подготовки экстремистов должны были составить 125 тыс. долларов. Еще 200 тысяч планировалось потратить на функционирование лагеря в текущем году. Все эти подробности содержались на флеш-карте, которую афганские спецслужбы изъяли еще в декабре у бывшего афганского генерала, сопровождавшего иностранных дипломатов в поездке по провинции Гельменд. Несмотря на сильное противодействие, дипломатов все-таки выслали, и Карзай, которого сильно поддерживали американцы, показал всем, кто в доме хозяин.

Афганское управление геологии

В самый канун нового, 2008 года в ряде средств массовой информации появились сообщения о грядущем тендере на второе в мире по запасам меди афганское рудное месторождение «Айнак», располагавшееся в провинции Логар. В 70-х годах прошлого столетия залежами медной руды в Логаре заинтересовались советские геологи. В 1973–1974 годах там работала советская геологическая экспедиция, которая подготовила геофизическое изображение месторождения, запасы которого были оценены в более чем 700 миллионов тонн руды с содержанием металла более полутора процентов, что соответствует приблизительно 11 миллионам тонн меди. Дальнейшие исследования месторождения «Айнак» были остановлены в связи с тем, что в Афганистане произошла Апрельская революция и оно оказалось в зоне боевых действий. Однако вся документация по месторождению и техническое обоснование на разработку были переданы афганской стороне, а именно Управлению геологии.

Небольшое здание управления расположено неподалеку от министерства иностранных дел. Вход туда практически никто не охранял, а зайти могло любое заинтересованное лицо. В нескольких помещениях на полках хранились запыленные фолианты и геологические карты – итоги работы советских специалистов, едва ли не с начала 20 века. Вся «изнанка» афганских недр находилась в открытом доступе, и за малую мзду хранителю этих бесценных документов совершенно любой человек мог взять с полки понравившийся ему документ, начитать вдоволь, а то и сфотографировать. Так, в частности, поступили англичане, изучив и скопировав документы советских специалистов о строительстве ГЭС в провинции Гельменд, а китайцы просто пересняли и бесплатно унесли все документы, касающиеся геологоразведки в Логаре. Поняв, что в руках огромный куш, они приготовились к участию в тендере и, не дожидаясь открытия и подведения итогов конкурса, начали налаживать отношения с руководителем оппозиционной правительству «Исламской партии Афганистана» Гульбеддином Хекматиаром, банды которого орудовали в Логаре.

По данным заслуживавших доверия источников, делегации ИПА неоднократно вылетали в Пекин и другие города Китая, где проводили закрытые переговоры с властями этой страны относительно возможности обеспечения безопасности на самом месторождении и вокруг него. Было достигнуто соглашение о том, что Китай будет поставлять Хекматиару оружие и боеприпасы (кроме ПЗРК), а также

другую амуницию. Ответным шагом гульбеддиновцев должно было стать оттеснение от «Айнака» других группировок повстанцев. Так оно в итоге и произошло. Эти переговоры велись втайне от афганского правительства. Но об этом знал президент Карзай, которому нужны были инвестиции для развития национальной экономики, создания новых рабочих мест, да и налаживание отношений с «Исламской партией Афганистана», второй по значимости вооруженной антиправительственной группировкой.

В отличие от мудрых китайцев, которые заранее выкрали документы по итогам работы советских специалистов в «Айнаке» в управлении геологии Афганистана, россияне опять положились на авось и личные связи, свойственные 90-м годам прошлого столетия, в надежде прибрать к рукам это месторождение. Компания «Базовый элемент» миллиардера Олега Дерипаски подала заявку на участие в тендере и, уверенная в своей победе, ожидала решения афганских властей по этому вопросу к концу ноября. Дэниэл Мейджер, возглавлявший в то время ресурсный сектор БЭ, сообщил на брифинге, что афганское месторождение привлекает особый интерес.

– Конечно, с ним связаны определенные риски, но это актив мирового уровня, – сказал он в интервью корреспонденту агентства «Рейтер». – Объем инвестиций в общей сложности может составить 2 миллиарда долларов, – добавил он.

Интерес БЭ к месторождению «Айнак» базировался на интересе ко всему Тетхянскому медному поясу, который проходит через территорию Пакистана и других регионов Азии. Компания подала заявку еще в мае, но афганские власти отложили принятие решения. Оно должно было быть принято до 24 ноября. Однако теневые власти Афганистана по негласному приказу президента все откладывали и откладывали решение по месторождению, вероятно, дожидаясь окончания переговоров китайских властей с Гульбеддином.

Вопрос разрешился только к концу мая 2008 года, когда Министерство горных дел Исламской Республики подписало контракт с китайской компанией МСС на разработку меднорудного месторождения «Айнак». По словам министра горных дел Афганистана Ибрагима Аделя, китайская компания должна была инвестировать в разработку месторождения 2,8 миллиарда долларов. Она должна была ежегодно выплачивать правительству Афганистана 808 миллионов долларов за недропользование. Планировалось, что на месте добычи медной руды, а попутно и угля будут трудоустроены на постоянной основе 10 тысяч афганцев, еще 20 тысяч граждан Афганистана будут трудиться на

месторождении по временным трудовым контрактам. Таким образом, Россия была грамотно отодвинута от разработки афганских недр. В соответствии с соглашением компания МСС спешно начала строительство электростанции мощностью 400 мВт, половина которой предназначалась для нужд местного населения, а также железнодорожного полотна для транспортировки руды.

Перед самым Новым годом через американских военных к нам просочилась информация о том, что в Афганистане за талибов стали воевать чеченские и узбекские боевики. Они заметно отличались от местных головорезов лучшим снаряжением и выучкой, и американцы их без труда вычисляли. В отличие от своих местных союзников «гости из СНГ» пользовались стандартными приемами боя, включая обходы с флангов и передвижение перекатами. Выдавало их также наличие разгрузочных бронежилетов и обмундирования черного или зеленого цвета. Подтверждение этой информации пришло и от местных жителей – пуштунов, которые подтвердили, что в их селах стали появляться люди, говорившие на непонятном им языке. Как правило, их сопровождал в качестве переводчика кто-нибудь из местных талибов.

Прибытие в Афганистан боевиков Исламского движения Узбекистана было по-настоящему опасно. Если на юге и востоке Афганистана, где проживали в основном пуштуны, отличить их от местных жителей не составляло большого труда, то в Кабуле, наполненном представителями нацменьшинств, в основном панджширскими таджиками и хазарейцами, распознать узбека было значительно сложнее. В этой связи пришлось спешно снимать «антитеррористическую рекламу» со своего автомобиля – большие наклейки RUSSIA, российские флаги и даже яркую желтую табличку RIA NOVOSTI-RUSSIA, которые предназначались прежде всего для талибов, которые к русским никаких претензий не имели.

Среди значимых событий 2007 года запомнилось заявление министра обороны Афганистана Абдула Рахима Вардака, в прошлом ярого душмана, о том, что в скором времени национальные вооруженные силы перейдут на стандарты НАТО, а на смену советскому оружию придет американское. Жирную точку в ушедшем году поставили талибы в провинции Газни, где, заманив в засаду, убили 15 сотрудников частного охранного предприятия, работавшего на американскую страховую компанию US Protection and Investigations. Чоповцы афганского происхождения охраняли колонну бензовозов на восьми внедорожниках, но не смогли оказать талибам достойного сопротивления. Шестеро из них были взяты в плен, но были затем расстреляны при попытке к

бегству.

Царь зверей

Год 2008-й стал для меня, пожалуй, самым интересным в этой командировке. Впервые за десятилетия непрекращающейся войны афганские боевики активно действовали в зимнее время, хотя, по всем канонам, им полагалось бы отдыхать и копить силы к весне. Ситуацию в Кабуле спасло то, что в соседнем Пакистане начались активные боевые действия талибов с правительственными войсками и большая часть сил радикалов была оттянута на долину Сват и зону проживания свободных пуштунских племен. Первого января, едва проснувшись после празднования в узком кругу друзей Нового года, я решил съездить в хорошо знакомый мне по 80-м годам кабульский зоопарк, разбавить ленту новостей позитивной информацией.

Я ожидал увидеть полуразрушенные строения и несколько жующих жухлую траву одиноких коз, но, к своей радости, нашел зоопарк не только устоявшим перед войной, но и заново отстроенным. Директор Азиз Голь Сахед, в прошлом душман, очень обрадовался приезду русского журналиста и долго рассказывал о том, что произошло после падения режима доктора Наджибуллы на этом островке счастья, где по выходным собирались большие группы афганских детей, молодежи и взрослых. По его словам, зоопарк пострадал сильнее всего в междоусобице моджахедов в 1992 году. С севера по проспекту Дар уль-Аман стреляла артиллерия Ахмадшаха Масуда, а с юга по ней вели огонь боевики Гульбеддина Хекматиара. Несколько снарядов попало и в зоопарк. Погиб бегемот, некоторые другие животные. Однако когда бои прекратились, выяснилось, что не все так уж и плохо, и, хотя время было трудное и очень голодное, работники зоопарка сделали все от них зависящее, чтобы спасти зверей.

Когда в 1996 году к власти пришли талибы, они взяли шефство над зоопарком и стали выделять из госбюджета деньги на корм животным. Они же своими силами построили большую каменную стену, отделяющую зоопарк от проезжей части. Это было сделано для того, чтобы животные не тревожились и не дышали угарным газом.

Демонстрируя мне новые вольеры, Сахед сообщил, что афганский царь зверей – слон – заедет в свой новый дворец уже летом 2008 года. Почему в Афганистане царем зверей считался слон, а не лев, директор рассказал во время нашей прогулки по зоологическому саду в окружении детей.

– Гордость Афганистана – наш старый одноглазый лев Марьян, который пережил почти все режимы – от Дауда до Карзая, – почил в бозе в возрасте 26 лет. Равного ему не найти. Того льва можно отыскать теперь лишь в коллекциях филателистов – его иногда изображали на почтовых марках Афганистана. Еще в 1960-х его подарила Афганистану Германия, но в течение 30 лет зоопарк находился на линии фронта. Когда однажды человек, выступавший на стороне движения «Талибан», забрался в клетку к Марьяну, голодный лев его сожрал. На следующий день брат погибшего вернулся отомстить и кинул гранату во льва. С тех пор животное осталось слепым на один глаз. Но новых львов нам уже подарил Китай, а сейчас мы ждем слона – дворец для него уже построен, – рассказал Азиз Голь. Действительно, в западной части зоопарка я увидел огромный дом-шатер для слона. В 80-х годах именно на этом месте располагался скромный «слоновник», а его обительница слониха Даша стояла, прикованная кандалами к огромному столбу. Потом, когда отсюда ушли советские войска и был развален Советский Союз, слониху ради забавы убили душманы.

На прощание я опустил в ящик для пожертвований 100 афгани, чему директор был несказанно рад. После этой памятной встречи я еще частенько заезжал в зоопарк, чтобы отдохнуть там среди зверей от людей, и с удовольствием отмечал, что город друзей наших меньших продолжает разрастаться. Летом 2008 года в кабульском зоопарке открылся информационный центр, в котором обычные посетители и начинающие афганские зоологи могли знакомиться с научными данными о жизни животных, рептилий и пернатых, а также с историей зоопарка афганской столицы. Новый центр был построен при экономическом и техническом содействии Америки, содействие в предоставлении научных материалов было оказано отделом культуры посольства США в Кабуле.

Кабульский зоосад помимо старинного кладбища Тапа-е Шахидан, пожалуй, одно из немногих мест в афганской столице, где десятки тысяч афганцев отдыхают в выходные дни со своими детьми от ужасов войны, бытовых неурядиц и мыслей о завтрашнем дне. Это своего рода райский оазис в превращенном войной в пустыню государстве, где уже многие десятилетия не прекращается насилие. Маленькие девочки и мальчики с удовольствием рассматривают рыб, черепах и змей, которые живут в больших аквариумах вивария, построенного по

инициативе директора этого зоопарка. В прошлом этот человек был моджахедом, а теперь он дарил радость самым маленьким гражданам своей страны, пытаясь выстроить для них подобие нормального детства. Впрочем, это достаточно иллюзорный мир.

В 1989 году после ухода наших войск с моим коллегой Андреем Семеновым, корреспондентом ТАСС в Кабуле, мы часто приезжали сюда и кормили здешних голодных коз и газелей. Еды для них тогда совсем не было, время было тяжелое. Мы рубили ветки деревьев и скармливали их животным. Где они, те годы, те газели и те козы? Ушли в прошлое вместе с нами, былыми. Где те дети, что ходили за нами стайками и радовались, когда мы с ними заговаривали и давали им бахшиш (малые деньги)? Сегодня родились новые маленькие афганские мальчики и девочки, которые не помнят тех нас, не помнят той войны, но снова вздрагивают от взрывов снарядов и пуль. На смену советскому «коммунистическому режиму» пришла американская «демократия», но что изменилось лично для них? Ничто. Просто родители берегут их маленькие сердца, не рассказывая о прошлом. Зоопарк сейчас зеленый как никогда, много насажали деревьев и цветистых кустов. Странно, но здесь, в Афганистане, люди больше заботятся о животных, чем о самих себе и о своих потомках. Вероятно, они смирились с тем, что вид хомо сапиенс не прижился именно в этой точке земного шара, и хотят посмотреть на тех, о ком хоть иногда заботятся такие же, как они сами.

Кабульский зоологический сад был создан в 1967 году во время правления Захир-шаха. Его первым директором и попечителем стал сын шаха Ахмадшах Хан, а после того как он устранился от дел, его место занял младший престолонаследник Надер. Создавать его первоначально помогала Федеративная Республика Германия, а во время «коммунистического» режима основными помощниками зоологов кабульского зоопарка были СССР, Чехословакия, Канада и ГДР. В начале Апрельской революции зоопарк попал под попечительство кабульской мэрии. Там он и остается до сих пор. Раньше в нем жило 92 вида зверей и пернатых, а общее количество особей составляло почти 700 единиц. Сегодня здесь обитают 48 видов и подвидов животных, пернатых и рептилий. По словам директора зоопарка, ежегодный доход зоосада составлял около 5 миллионов афгани (100 тысяч долларов США).

Афганские ОПГ и полулегальная экономика

Посольство РФ в Кабуле живет по рабочему расписанию России: людям предоставляется возможность небольших каникул в январе. Это время я решил посвятить поездкам по городу в надежде отыскать старых знакомых. Некоторых я уже нашел. Один из торговцев дуканов (маленьких магазинов), расположенных прямо у стен посольства, по прозвищу Инженер, оказался замполитом рембата 4-й танковой бригады ВС ДРА, в которой я служил в 1979–1980 годах переводчиком. Мы много говорили с ним о судьбах наших афганских офицеров, и он пообещал свести меня не только с ними, но и с оставшимися в живых бывшими функционерами НДПА. Его родственники в то время жили в Англии, они подались туда еще в начале 90-х, когда положение в Кабуле было невыносимым. А он с женой и детьми остался здесь.

Во время правления доктора Наджиба Инженер перешел на службу в ХАД, а с приходом в Кабул моджахедов бежал с семьей в Узбекистан. Его квартиру в микрорайоне, полученную от государства, попытался занять какой-то таджикский бандит, но пришедшие затем в город талибы издали указ, в соответствии с которым за неправомерный захват чужой собственности всем без исключения грозила смертная казнь. Квартиру быстро освободили. Но после того, как натовцы отстранили от власти самих талибов, квартира вновь перешла к одному из боевиков «Северного альянса», причем приближенному к маршалу Фахиму, одному из сподвижников полевого командира Ахмадшаха Масуда.

Все попытки Инженера отстоять свое право на жилище в суде не приносили успеха. Суд просто не принимал его исковых заявлений. Вершитель правосудия не хотел оказаться под прессом панджширцев, а потому семья моего бывшего армейского сослуживца была вынуждена мыкаться по съемным квартирам. Инженер ездил на работу в магазин, который ему не принадлежал, на городском транспорте и сильно опасался терактов. Бывший член НДПА стал набожным и совершал намаз прямо в магазине по три раза в день. Его сестра прислала ему из Лондона деньги для покупки маленького автомобиля, чему он был несказанно рад. Потом он с гордостью показывал мне свою миниатюрную малолитражку.

Интересная встреча произошла с владельцем овощного дукана близ голубой мечети в самом центре Кабула на улице, которую сотрудники нашего посольства окрестили «мясным рядом». Старик внезапно узнал меня и рассказал, что его дукан раньше находился в старом микрорайоне на «маркете» и что я часто у него отоваривался. Вот это память, подумал про себя я, а может, он врет? Но собеседник безошибочно описал мне стоявший возле моего дома № 8 дукан толстяка Ахмадшаха, а потом, немного подумав, спросил: «А не ты ли ездил на

зеленой «Ниве»?» Да, точно, «Нива» была моя, и последние сомнения в искренности собеседника улетучились. Бородач поведал мне много интересного о том, как сейчас устроено новое афганское общество, и я мысленно отметил для себя, что это, по существу, Россия 90-х годов с ее полу- и незаконным бизнесом, повальным рэкетом, похищениями людей за выкуп, «крышами» и прочими присущими постсоветскому безвременью элементами. Другие встречи, в основном с отставными офицерами, в том числе бывшего царандоя (полиции), убедили меня в правдивости его слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/greshnov_andrey/posle-nas

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)